

„Локсъ“.

Рождественскій разсказъ.

Въ долину, лежащую между двумя пурпурно-зелеными Экмурскими холмами, виднѣлся полуразрушенный сѣнной сарай. Онъ находился въ четырехъ миляхъ отъ маленькой деревни, по срединѣ которой течетъ рѣка Барль, въ трехъ миляхъ отъ ближайшаго жилища на востокъ, отъ старой фермы, виднѣвшейся на отшибѣ деревни, а на западъ въ трехъ миляхъ отъ маленькой хижины, немногимъ большей чѣмъ пастушій шалашъ, гдѣ Майльсъ Крюисъ жилъ безпробудно пьянствуя, пока не умеръ отъ *delirium tremens*.

Въ этомъ самомъ сараѣ, въ настоящее время почти разрушенномъ, происходила битва одной души; битва была изъ очень тяжелыхъ, хотя и бушевала она не въ человѣческой душѣ, а въ слѣпой и такъ мало знакомой намъ душѣ собаки. Такимъ образомъ намъ не узнать, пока мы не станемъ гораздо мудрѣе, въ *чемъ* состояла эта битва; намъ доступно было только одно: наблюдать, *что* душа повелѣвала собакѣ, и какъ послѣдняя выполняла ея повелѣнія.

Майльсъ Крюисъ, жившій въ трехъ миляхъ отъ сѣннаго сарая въ маленькой хижинѣ, былъ по рожденію джентльмэнъ. Его отецъ долго выносилъ пьяницу сына, несмотря на то, что послѣдній былъ грубъ и золь, когда напивался. Отецъ его родился въ началѣ 19-го столѣтія въ Девоншайрѣ и былъ склоненъ считать пьянство сравнительно невиннымъ и даже благороднымъ порокомъ.

Но когда Майльсъ Крюисъ вздумалъ жениться на одной изъ служанокъ своей матери, тогда отецъ выгналъ его изъ дома и больше уже не видался съ нимъ никогда. Майльсъ поселился въ деревнѣ, въ изгнаніи, гдѣ жена и родила ему сына; шесть мѣсяцевъ позднѣе она умерла. Народъ говорилъ, что она была рада

умереть, потому что къ этому времени ей стало уже ясно, какого рода жизнь ожидаетъ ее съ мужемъ джентльмэномъ.

Вскорѣ послѣ ея смерти Майльсъ Крюисъ поселился съ ребенкомъ въ уединенной хижинѣ, о которой было упомянуто. Здѣсь его позоръ былъ болѣе или менѣе скрытъ отъ постороннихъ взглядовъ; онъ взялъ для сожителства съ собой и для ухода за ребенкомъ цыганку, которая бродила по окрестностямъ. Она раздѣляла его оргіи и присоединила ко всѣмъ остальнымъ ужасамъ, происшедшимъ въ хижинѣ, еще и ужасъ отъ распутной женщины.

Никто не навѣщаль хижину. Майльсъ Крюисъ не принадлежалъ къ крестьянскому сословію, а люди его класса не хотѣли признавать его; въ то же время и родственники цыганки отвернулись отъ нея, негодуя, что она соединила свою судьбу съ ирландцемъ.

Дитя умершей служанки выросло среди этихъ условій. То была одинокая и грустная маленькая жизнь. Было вообще чудомъ, что онъ могъ выжить при такихъ условіяхъ. Кромѣ человѣческаго населенія хижины, которое состояло изъ пьяницы, цыганки и ребенка, тамъ жилъ еще осель цыганки, мудрое и терпѣливое животное, которое ютилось въ углу хижины и большая, нечистокровная сторожевая собака Локсъ, которая была принесена цыганкой въ возрастѣ щенка, чтобы стеречь запасы торфа. Кромѣ того, когда цыганка отправлялась странствовать съ своимъ осломъ, было небезопасно оставлять хижину безъ защиты отъ проходящихъ бродягъ въ то время, когда Майльсъ Крюисъ лежалъ пьяный на полу; мебели у нихъ, правда, было мало, но иногда водились деньжонки.

Щенокъ выросъ въ огромнаго звѣря; въ немъ была помѣсь двухъ самыхъ крупныхъ породъ—датскаго дога и оленьей собаки. Онъ былъ страннаго перечнаго цвѣта; одинъ изъ его глазъ былъ карій, а другой—холоднаго блѣдно-голубого цвѣта.

У собаки была очень скверная наружность, хотя съ той долей красоты, которая нераздѣльна съ силой и энергіей. У нея была преступная душа. Она любила всѣ собачьи грѣхи и практиковала ихъ. Она была такъ-же свирѣпа и дика, какъ самъ Майльсъ Крюисъ; но животное вносило больше интеллекта и энергіи въ свои преступленія. Оно относилось къ своимъ хозяевамъ съ свирѣпымъ презрѣніемъ, что составляетъ величайшее изъ собачьихъ преступленій, и если защищало ихъ добро, то только изъ воинственныхъ инстинктовъ, а никакъ не изъ вѣрности къ нимъ. Локсъ не допускалъ иныхъ воровъ, кромѣ самого себя. Ни одинъ человѣкъ,

дорожащій жизнью, не рѣшился бы ударить его. Собака обладала инстинктами бандита и предпочитала украденную пищу или отнятую у болѣе слабого. Она бы навѣрно охотилась за овцами, которые паслись на болотѣ, если бы у нея не было инстинктивнаго знанія, что это ремесло черезчуръ опасное. Локсъ былъ совершенно лишень собачьяго рыцарства; онъ былъ способенъ отгонять Молли, собачку Комбовъ, отъ ея чашки и съѣдать всю ея пищу, все время преступно рыча на обиженную; онъ позволялъ себѣ рвать и калѣчить маленькихъ собакъ. Онъ убилъ на мѣстѣ невиннаго щенка, который пытался поиграть съ нимъ и изъ одной дьявольской злобы преслѣдовалъ разбитую ревматизмомъ и беззубую старую овчарку фермера Копльстона—ветерана, котораго уважали во всей окрестности.

Всѣ респектабельныя собаки проявляютъ вѣжливость къ слабому полу и обходятся терпѣливо и кротко съ старыми и малыми. Локсъ былъ изгнанъ изъ компаніи своей породы; ни одна приличная собака Эксмур не имѣла съ Локсомъ никакого дѣла, кромѣ драки. И это было—повидимому—совсѣмъ по вкусу преступному псу, такъ какъ драка была единственной радостью его жизни. Онъ рыскалъ по болотамъ всегда въ одиночку, большей частью умѣренной рысью, тогда какъ по деревенской улицѣ проносился какъ буря, со всѣми приемами разбойника, вызывая враговъ и справа, и слѣва, то своимъ каримъ глазомъ, то холоднымъ голубымъ. Немногія собаки принимали его вызовъ. Всѣ дѣлали видъ, что сильно заняты чѣмъ нибудь постороннимъ, когда четвероногій бандитъ мчался по деревнѣ. Покидая поле дѣйствія, Локсъ каждый разъ стремился оскорбить ихъ, выражая имъ свое презрѣніе цѣлой тучей пыли, взметаемой его огромными задними лапами.

Даже самъ Майльсъ Крюисъ относился съ почтеніемъ къ свирѣпому псу. Возвращаясь съ своихъ странствій по болотамъ, онъ пробирался—рыча и тяжело ступая лапами—прямо къ очагу. вмѣсто того, чтобы ударить его, Майльсъ отодвигался и давалъ мѣсто болѣе сильной душѣ изъ всѣхъ, жившихъ подъ кровлей хижины. Локсъ появился въ домъ сварливымъ и необщительнымъ щенкомъ, когда ребенку минуло только десять лѣтъ. Когда мальчику исполнилось двѣнадцать, а собака была во цвѣтѣ силъ, случилась та битва въ сѣнномъ сараѣ, о которой я упомянулъ. Рассказывая объ этой битвѣ, мнѣ придется пустить въ ходъ челоувческія мѣрки, чтобы измѣрить глубины нечелоувческой души, ибо другихъ я не знаю.

Дѣло было во время празднованія дня рожденія дочки одного богатаго деревенскаго фермера. Дѣти играли въ полѣ, примыкающемъ къ торфяному болоту и отгороженномъ отъ него заборомъ. Жена фермера увидала Линни Крюисъ, выглядывавшаго изъ-за забора; это былъ застѣнчивый и неловкій мальчикъ, смотрѣвшій жадными глазами на игравшихъ дѣтей. У фермерши было доброе материнское сердце, и она пригласила мальчика „поиграть съ другими“.

И тогда Линни вошелъ, застѣнчиво озираясь и не зная, какъ нужно играть. Дѣти играли въ фанты, въ одну изъ довольно глупыхъ деревенскихъ игръ съ поцѣлуями, невинную, когда играютъ дѣти и теряющую свою невинность, когда въ ней участвуютъ большіе. Маленькая дочка фермера, выкупая свой фантъ, должна была „поцѣловать того, кого любить больше всего“. Маленькая дѣвица переводила свой взглядъ съ одного товарища на другого и кончила тѣмъ, что подошла къ Линни Крюисъ и поцѣловала его.

Линни покраснѣлъ какъ маковъ цвѣтъ; это былъ первый поцѣлуй, который онъ получилъ со смерти матери, а ея поцѣлуевъ онъ не помнилъ. Жена фермера дала ему на прощаніе кусокъ пирога и пригласила его „приходить опять“. Но онъ не пришелъ, потому что стоя за изгородью съ своимъ пирогомъ, онъ услышалъ, какъ одна изъ маленькихъ дѣвочекъ сказала поцѣловавшей его: „а ты сказала, что любишь *меня* больше“.

„И люблю“, сказала маленькая дѣвица, „а его поцѣловала потому, что никто не любитъ его“.

Это было вполне резонно. Но услыхавъ эти слова, мальчикъ бросилъ свой пирогъ и съ плачемъ побѣжалъ домой. Не доходя до хижины, онъ бросился въ густой верескъ и долго лежалъ тамъ, рыдая. Черезъ нѣсколько мгновеній онъ почувствовалъ горячее и сильное дыханіе на своей шеѣ.

Онъ поднялся, сѣлъ и увидаль, что большая злая собака, до которой никто не осмѣливался дотрагиваться, стояла надъ нимъ. Въ порывѣ острой боли и оскорбленнаго чувства, мальчикъ охватилъ руками жесткую собачью шею и прижимаясь мокрымъ отъ слезъ лицомъ къ груди собаки, продолжалъ плакать, какъ болѣе счастливыя дѣти плачутъ на груди своей матери. Это была какъ бы мольба о помощи слабаго къ сильному. Никто не можетъ сказать, какія мысли пробудились въ мозгу животнаго. Огромная собака не зарычала на этотъ разъ; медленно, медленно начала она опускаться къ землѣ вмѣстѣ съ своей ношей, пока не легла такъ, что руки мальчика сохранили свое положеніе и его мокрое лицо

осталось прижатымъ къ мохнатой шерсти собаки. Когда Линни поднялся и вытеръ глаза, поднялась и собака и лизнула его въ щеку; затѣмъ она послѣдовала за мальчикомъ въ домъ, *послѣдова*ла, а не пошла впередъ, какъ это было въ ея обычай.

Съ этого момента собака Локсъ и мальчикъ Линни сдѣлались товарищами. Когда Крюисъ и цыганка напивались, они имѣли обыкновеніе бить Линни, чтобы заставить его плакать и просить пощады. Это было ихъ развлеченіемъ. Вотъ, въ одну изъ такихъ минутъ они и узнали о новомъ товариществѣ. Опьянѣвшая женщина начала грозить ребенку и схватила уже ремень, висѣвшій на стѣнѣ.

Собака, лежавшая у очага, медленно встала; когда цыганка повернулась съ оружіемъ въ рукахъ, между нею и мальчикомъ стояло могучее животное, злобно оскаливъ зубы, съ пылающими глазами и страшно взѣрошенной шерстью. Женщина взмахнула ремнемъ, но не осмѣлилась ударить. Локсъ поднялся на заднія лапы, положилъ переднія лапы на грудь цыганки и, раскрывъ пасть, страшно зарычалъ. Женщина закричала и выпустила ремень. Локсъ также выпустилъ ее, и если когда либо собака злобно смѣялась, конечно Локсъ смѣялся въ ту минуту. Если бы онъ не былъ настолько цѣннымъ сторожемъ, его застрѣлили-бы въ тотъ же день.

Съ тѣхъ поръ Линни не били въ присутствіи его новаго союзника. Тѣмъ не менѣе жизнь мальчика была ужасна. Когда Крюисъ обезумѣвалъ отъ пьянства, приходилось и женщинѣ, и мальчику спасать свою жизнь бѣгствомъ изъ хижины. Даже и Локсъ отступалъ и уходилъ, хотя съ большимъ достоинствомъ и какъ бы протестуя негодующимъ рычаніемъ.

Когда Линни исполнилось 14 лѣтъ, старый фермеръ умеръ и его ферма по близости отъ деревни была куплена пріѣзжимъ ученымъ джентльмэномъ, которому понравился старый домъ и его уединенное положеніе. Однажды Линни, выгнанный отцемъ, оставался цѣлыхъ два дня внѣ дома. Не рѣшаясь, можетъ быть изъ гордости или изъ застѣнчивости, попросить пищи и рассказать о своемъ затруднительномъ положеніи, мальчикъ просидѣлъ все время въ болотѣ съ собакой. Локсъ раздобылъ себѣ павшую овцу и вернулся въ самомъ прекрасномъ настроеніи, но издавая противный запахъ. Линни былъ не въ состояніи ѣсть испорченную баранину и заплакалъ отъ слабости и голода.

Въ такомъ видѣ его нашелъ шедшій по болоту новый владѣлецъ фермы; распросивъ его очень ласково и очень осторожно, онъ подѣлился съ нимъ сэндвичами, которыми запасся въ виду

продолжительной прогулки. Послѣ того, какъ они поѣли, незнакомый джентльмэнъ задалъ еще нѣсколько вопросовъ, а когда мальчикъ снова залился слезами, незнакомецъ положилъ ласково свою руку на его плечо. Въ то же мгновение раздался шумъ: порывистый скачокъ, громкое рычаніе, и—съ быстротою молніи чловѣкъ былъ опрокинутъ чѣмъ то горячимъ, трепещущимъ, какимъ то ураганомъ, пронесшимся надъ нимъ. Незнакомый джентльмэнъ лежалъ навзничъ на примятомъ верескѣ, а мальчикъ, охвативъ руками освирѣпѣвшее чудовище, заслонялъ собой раскрытую пасть, тянувшуюся къ горлу опрокинутаго чловѣка.

Съ трудомъ удалось оттащить Локса. Новый владѣлецъ фермы поднялся; Линни сдѣлалъ то, что ни одна живая душа не осмѣлилась бы сдѣлать съ Локсомъ: онъ выдралъ его за уши и выбранилъ. Одну короткую секунду казалось, что огромная собака загрызетъ своего молодого товарища; его рычаніе походило на стонъ; онъ припалъ къ землѣ, весь оцетинившись, дрожа каждымъ нервомъ, прерывисто дыша и уткнувъ морду въ землю, пока Линни осыпалъ его ударами и бранилъ его. Когда мальчикъ выпустилъ его ошейникъ, онъ всталъ и медленно пошелъ, непримиренный и полный гнѣва, но щадящій того, кого любилъ.

„Онъ подумалъ, что вы хотите обидѣть меня“, сказалъ Линни.

„Въ такомъ случаѣ онъ былъ правъ. Приходите ко мнѣ каждый разъ, когда вздумается, и приводите съ собой собаку. И помните, что если это опять случится....

„Это“ всегда случается, сказалъ печально Линни.

„Въ такомъ случаѣ приходите и оставайтесь у меня сколько понадобится. Не бродите по болотамъ. Приходите ко мнѣ и приводите собаку“.

„Это“ случилось снова; Линни воспользовался приглашеніемъ своего новаго друга и былъ принятъ съ сердечнымъ привѣтомъ; но онъ не смогъ „привести“ собаку.

Локсъ былъ не таковскій, чтобы его можно было привести, куда онъ не хотѣлъ идти. У него были свои взгляды. Онъ думалъ, что защищалъ Линни отъ врага; теперь онъ зналъ, что это не такъ и въ сознаніи этомъ была горечь. Онъ опрокинулъ нападавшаго на его возлюбленнаго, а этотъ возлюбленный прибилъ его и соединилъ свои силы съ чужимъ противъ него.

Линни прибилъ и оскорбилъ его. Изумленный и взбѣшенный, Локсъ не только пощадилъ его жизнь, но и простилъ ему. Съ этого дня его обожаемый Линни и этотъ чужой чловѣкъ встрѣчались постоянно.

Мальчикъ былъ умный и вдумчивый. Его новый другъ заинтересовался имъ и дѣлалъ все, что могъ, чтобы научить и воспитать его. Линни переживалъ теперь настоящее счастье. Онъ оставался все менѣе дома и все болѣе на фермѣ. Но Локсъ никогда не ходилъ туда. Онъ сопровождалъ Линни до изгороди, окружавшей небольшой выгонъ, по которому шла дорожка на ферму; здѣсь онъ останавливался, ощетинивался и поворачивалъ назадъ съ тяжелымъ стономъ. Ни разу онъ не поддавался на лъстивыя ласки своего врага и замѣстителя.

Однажды онъ встрѣтилъ его наединѣ. Кроткій ученый, обернувшись, увидѣлъ внезапно огромное животное, притаившееся позади живой изгороди, съ смертельной ненавистью въ глазахъ. Кроткіе безстрашные человѣческіе глаза встрѣтились съ глазами Локса, и собака, зарывавъ, пошла прочь. Однажды, когда Линни шелъ на ферму, Локсъ неистовствовалъ, носясь по деревнѣ подобно разрушительному демону; онъ убилъ кошку и маленькую собаку, опрокинулъ дѣвушку, которая доила корову и пролилъ все ея молоко; онъ завершилъ свои разбойничьи походы ожесточенной битвой съ Тимомъ, сильной собакой шотландской породы, принадлежавшей викарію и принимавшей всѣ непріятельскіе вызовы, не разбирая, имѣлись-ли шансы на побѣду, или не имѣлись. Да и самъ викарій былъ неукротимый спорщикъ.

Результатомъ этой битвы была тяжкая болѣзнь Тима, а у Локса было разорвано ухо. Повидимому, это укротило его тревожное настроеніе. Когда Линни вернулся съ фермы, онъ радостно замахалъ хвостомъ. Въ слѣдующій разъ, когда его идолъ вступилъ на выгонъ, ведущій къ фермѣ, Локсъ отправился домой, улегся поперекъ двери и забавлялся тѣмъ, что не впускалъ въ хижину ни Крюиса, ни цыганку, пока не вернулся Линни.

„Въ вашей собакѣ много человѣческаго“, сказалъ кроткій ученый Линни. „Бѣдное животное! Оно ревнуетъ. Если души животныхъ подвигаются къ человѣчности, какъ нѣкоторые думаютъ, въ такомъ случаѣ сѣмена добра и зла, радости и страданія должны быть посяяны много ранѣе того, какъ ихъ пожнетъ человѣкъ. Вашъ Локсъ и Молли Копельстона уже достигли индивидуальности; но они такъ-же не похожи другъ на друга, какъ вы не похожи на стараго Копельстона. Если человѣкъ строить себѣ будущее своими поступками, эти два пса возводятъ для себя совершенно различное будущее. Посмотрите на Молли, послушную и кроткую, неподвижную и осторожную, и на этотъ бѣшенный

фонтанъ энергіи. Интересно прослѣдить, гдѣ начинаются причины видимыхъ нами послѣдствій“.

Зима, о которой была рѣчь, отличалась жестокими холодами и въ срединѣ января поднялась свирѣпая снѣговая метель. Еще до начала метели цыганка съ своимъ осломъ отправилась за провизіей. Крюись, Линни и Локсъ остались одни. Линни въ этотъ день собирался пойти на ферму, но погода задержала его.

Локсъ, смутно радуясь этому, улегся въ самомъ хорошемъ настроеніи у ногъ Линни, покинувъ свое обычное мѣсто у очага. За послѣднее время онъ дѣлалъ это каждый разъ, когда имѣлъ возможность быть поближе къ своему идолу; казалось, онъ боялся, чтобы Линни внезапно не ускользнулъ отъ него; въ этомъ чувствовался странный паѳосъ, до того несвойственна была Локсу такая покорность.

Въ домѣ было очень мало пищи, но къ сожалѣнію—вдоволь водки. Крюись принялся пить. А къ вечеру, когда буря разбушевалась и морозъ усилился до чрезвычайности, Крюись дошелъ до настоящаго бѣшенства; онъ осушилъ послѣднюю бутылку и зароралъ на Линни, посылая его за другой. Бѣдный Линни попробовалъ протестовать, и тогда обезумѣвшій человѣкъ вскочилъ съ намѣреніемъ ударить мальчика. Локсъ поднялся, рыча, и сталъ между отцемъ и сыномъ. Но Крюись, сохранившій еще искру сознанія, не посмѣлъ ударить собаку. Лишь разразился дикими ругательствами. Шатаясь, подошелъ онъ къ двери, открылъ ее и крикнулъ сыну, чтобы тотъ уходилъ съ глазъ долой.

Крутящійся снѣгъ ворвался въ хижину и вѣтеръ завылъ такъ злобѣще, словно въ мукахъ застонала погибающая душа.

„Отецъ“, молилъ мальчикъ со слезами, „вы не можете сдѣлать этого. Вы не можете меня выгнать въ такую ночь. Я умру. Лучше ужъ убейте меня“.

Пьяный человѣкъ разразился проклятьями и потянулся къ ружью, которое висѣло на стѣнѣ. Оно не было заряжено, цыганка вынула изъ предосторожности зарядъ, но Линни не зналъ того и—пустился бѣжать. Локсъ послѣдовалъ за нимъ. Нѣсколько мгновеній свѣтъ изъ двери освѣщалъ ихъ путь, но вскорѣ порывъ вѣтра захлопнулъ дверь и вокругъ ихъ сдѣлалось совершенно темно. Снѣгъ залѣплялъ глаза, наметенные сугробы мѣшали идти, мракъ сгущался и пугалъ, ледяной вѣтеръ захватывалъ дыханіе, холодъ леденилъ сердце. Линни боролся отчаянно и слѣдовалъ за Локсомъ. Сила бури сказалась даже на сильной собакѣ; когда они достигли сѣннаго сарая у подножія Эксмурскихъ холмовъ,

мальчикъ былъ близокъ къ обмороку; онъ упалъ на снѣговой сугробъ, образовавшійся внутри сарая, застоналъ и закрылъ глаза, съ трудомъ переводя дыханіе. Локсъ улегся около него и началъ лизать его лицо и руки. Линни попытался обнять мохнатую шею своего вѣрнаго товарища, но не могъ. Онъ еще не вышелъ изъ дѣтскаго возраста, а такая борьба могла обезсилить и взрослого человѣка. Онъ началъ засыпать.

Ни одинъ человѣкъ не могъ бы сказать, подозрѣвалъ-ли Локсъ, какая опасность грозила предмету его обожанія; ни одинъ человѣкъ не могъ знать, *какую* борьбу вынесъ онъ въ эту ночь. Нужно только не забывать, что въ теченіе цѣлаго года онъ не переставалъ слѣдить за посѣщеніями Линни того новаго друга, котораго Локсъ ненавидѣлъ всѣми силами своей изумленной, ревнивой и страстной души. Въ теченіе цѣлаго года онъ упорно боролся и съ лаской, и съ приказаніями Линни и отказывался переступить черту, за которой открывалась дорога къ дому ненавистнаго соперника. Локсъ привелъ Линни подъ защиту кровли; онъ легъ рядомъ и лизалъ его руки и лицо. *Онъ* исчерпалъ всѣ свои ресурсы, больше онъ не могъ сдѣлать ничего для Линни; но можетъ быть тотъ человѣкъ на фермѣ могъ помочь? Локсъ поднялся, медленно подошелъ къ двери сарая и сталъ смотрѣть; обрывокъ разорванной цѣпи на его ошейникѣ позванивалъ, когда онъ шелъ. Онъ тоже былъ истощенъ и цѣпенѣлъ отъ жестокаго холода. Снѣгъ пересталъ падать, но вѣтеръ бушевалъ по прежнему, холодъ захватывалъ дыханіе и глубокіе сугробы мѣшали идти.

Въ это время ученый сидѣлъ, грѣясь у горящаго очага; по другую сторону очага сидѣла его сестра, тихая пожилая лэди, а у ея ногъ лежала собака, преданный членъ семьи ученаго.

„Что за ночь!“ сказала сестра, „надѣюсь, что нѣтъ ни одного заблудившагося; въ такую бурю нѣтъ спасенія и можетъ быть завтра мы услышимъ о какой нибудь жертвѣ“.

Пока она говорила, послышался легкій звукъ за дверью. Они сидѣли въ комнатѣ, которая служила кухней на фермѣ; дверь открывалась въ маленькій, окруженный стѣною садъ. Слабый металлическій звонъ раздался за дверью, собака у очага залаяла. Тогда звукъ затихъ и послышалось тяжелое дыханіе, визгъ и царапанье большой собаки за дверью. Собака внутри завывала, ученый всталъ и открылъ дверь; вѣтеръ ворвался съ воемъ, снѣгъ запорошилъ весь маленькій садъ, покрывъ бѣлыми подушками кусты лавенды у самой двери. Тамъ не было никакой собаки. Ученый

закрывъ дверь и сѣлъ на прежнее мѣсто; опять раздался звонъ цѣпи, царапанье и визгъ у самой двери. Собака у очага вскочила и побѣжала, воя, къ двери. Снова дверь была открыта и снова за ней лежалъ чистый снѣгъ, безъ признака какихъ бы то ни было слѣдовъ.

„Господи, Боже мой, ужъ не привидѣніе ли это собаки?“ сказала сестра ученаго. „И ни одного слѣда лапъ на порогѣ! А между тѣмъ дверь сотрясалась отъ царапанья большой собаки“.

„Это—собака Линни Крюиса. Я знаю звукъ ея ошейника“.

„Но вѣдь ты знаешь, что Линнину собаку нельзя было при-
тянуть сюда никакими веревками“.

Ученый прислушивался, держась за ручку двери. Еще разъ послышался визгъ и царапанье лапъ.

„Очень хорошо“, сказалъ ученый спокойно, какъ бы отвѣчая невидимому существу, „я сейчасъ иду; подожди, пока я добуду фонарь и разбужу людей“.

Онъ поднялъ спящихъ работниковъ и они пошли съ лопатами и фонарями, закутавшись отъ холода и захвативъ съ собой водки. Имъ пришлось выдержать тяжелую стычку съ бурей. Не было видно никакихъ слѣдовъ на гладкихъ сугробахъ на дворѣ фермы, не было слѣдовъ и на выгонѣ. Но въ полѣ, въ нѣсколькихъ ярдахъ отъ того плетня, сдѣлавшагося границей, за которую ревнивая тоска Локса не позволяла ему переступить, лежалъ трупъ большой собаки, уже похолодѣвшій, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ она упала, истощенная борьбой съ холодомъ и бурей. Слѣды ея лапъ были на половину занесены, но ихъ все же можно было различить, хотя и съ трудомъ; они вели къ сѣнному сараю, гдѣ въ эту ночь въ мукахъ рожденія возникала въ душѣ звѣря новая душа. Мальчикъ, за котораго Локсъ умеръ, остался жить. Онъ больше не возвращался въ хижину Майльса Крюиса. Онъ прожилъ добрую и полезную жизнь и всегда сохранялъ нѣжное воспоминаніе о своемъ дикомъ, но вѣрномъ товарищѣ и—думалось ему—придетъ когда нибудь день, когда онъ такъ или иначе уплатитъ свой долгъ той душѣ, которой онъ помогъ родиться на свѣтъ.

Переводъ съ англійскаго Е. П.

